

тории контактирования языков и народов. Важную роль в обратном словаре заимствований играют стилистические пометы и ограничения, а изучение их соотношений может составить отдельную лингвоэкологическую характеристику. Так, в молдавском *butylcă* (< бутылка) относится к разговорному стилю, финское *uula* (< улица) встречается только в диалектах, а английское *kolkhoz* употребляется преимущественно в переводах русских текстов, представляя собой тот способ передачи безэквивалентной лексики, который называют иногда «цитацией»²¹. Наконец, полезным будет введение хронологического параметра, который предполагает не только указание даты заимствования, но и сведения об устарелости данного слова или о прекращении по тем или иным причинам его использования в языке-реципиенте.

Что касается других возможных входов в словарь, то мы ограничимся здесь их перечислением и очень краткой характеристикой. Во-первых, это идеографический или тематический вход — от названия тех областей общественно-политической, культурной, научной жизни, спорта, быта, по которым распределяется заимствованная лексика. Во-вторых, это вход от частотного показателя, в роли которого выступает в данном случае количество языков, воспринявших то или иное слово (скажем, по убыванию частоты заимствования). И в-третьих, вполне допустимыми мы считаем такие перегруппировки материала, которые обеспечат входы от всех тех параметров, что были охарактеризованы выше при комментировании списка заимствований:

- индекс языков (возможно, с адресами заимствованных каждым из них слов);
- хронологический вход, т. е. распределение заимствований по годам;
- по сферам употребления — разг., диал., книж., спец. и т. д.;
- по типам заимствований.

Сказанное не означает, что все эти возможности могут или должны быть реализованы в словаре, оформленном в виде книги. Словарь — книга, естественно, потребует определенных ограничений и выбора оптимального сочетания перечисленных возможностей. Однако книга — это не единственный путь построения словаря, он может существовать и в виде лексикографического банка данных²².

В заключение следует остановиться на некоторых трудностях и неясностях, которые возникают на пути решения предлагаемой задачи: 1) не во всех языках — даже народов СССР — русские заимствования изучены в достаточной мере; 2) не вполне ясно, каким образом однозначно установить «нижнюю» и «верхнюю» временные границы заимствований — считать ли «русскими» заимствования, укоренившиеся в том или ином языке только с XIV в. или и более ранние, и как квалифицировать употребление (даже и многократное) русских слов в современной иноязычной печати и литературе в случаях, когда нет надежных свидетельств о «натурализации» этих слов? 3) какое место должны занять заимствования, осуществленные только диалектами контактировавших с русским языков и не ставшие достоянием соответствующего литературного языка? 4) как подавать в словаре нелексические заимствования — грамматические формы, морфемы, конструкции? 5) в каком объеме в словарь должна войти научно-техническая терминология? 6) каково место топонимии в словаре?

Тем не менее, несмотря на этот круг проблем, требующих решения, построение обратного словаря заимствований представляется задачей перспективной, обещающей получение новой информации о русском языке.

²¹ *Кабачки В. В.* Заимствования в тексте иноязычного описания культуры. — В кн.: Теория и методы исследования текста. Вып. I. Изд-во ЛГУ, 1977.

²² Ср., например, принципы организации так называемого лексического архива английского языка: *Diller T., Olney J.* SOLAR (A Semantically-Oriented Lexical Archive): Current Status and Plans. — «Computers and the Humanities», 1974, v. 8, № 5—6.